

Утопии праздности и лени

И наконец, четвертый день
Знакомую принес мне лень,
Предчувствие иных дремот,
Дыхание иных высот.
И думал я: «Взволненный стих,
Пронзив меня, пронзит других,
Пронзив других, спасет меня,
Тоску покоем заменя».

Михаил Кузмин

Статьи, вошедшие в эту подборку, были написаны по итогам научного коллоквиума «Свободное время в русской художественной культуре XIX–XXI веков», прошедшего на факультете свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета 9–10 декабря 2016 года. Тема праздности, лени и безделья сплотила интеллектуалов, специализирующихся в разных гуманитарных науках. Среди авторов статей есть искусствоведы, экономисты, социологи, философы и специалисты по интеллектуальной истории. Многолика и праздность, принимающая формы свободного времени, культурного досуга, сладкого безделья, обломовщины, свободы художественного эксперимента, безмятежности мудреца и даже перекура. Хотя праздность в разнообразных ипостасях стала объектом изучения столь разных дисциплин, вывод, к которому пришли все исследователи, неожиданно однозначен: лень утопична и, будучи интеллектуальной, эстетической и социальной утопией, неразрывно связана с трудом.

Как широкодоступная социальная практика досуг формируется на волне промышленной революции и становления современного урбанизма во второй половине XIX — начале XX века. Тому, как трудовые будни индустриального общества стали невозможны без культуры свободного времени, посвящена статья Светланы Малышевой. В рамках этого же периода (с середины XIX века) развивается такая форма активного досуга, как спортивное рыболовство. В статье Ильи Сидорчука на основе периодики и архивных материалов предпринимается попытка разобраться в том,

о чем спорили и какие практики внедряли противники и поборники «английской снасти».

Советский социализм с его идеологической критикой капиталистической буржуазности начинался в борьбе с дореволюционными формами досуга за вовлеченность каждого в строительство социализма. Художнику в этой борьбе отводилась роль радетеля за общественное благо, как показывает в своей статье Иван Костин, разбирая послереволюционные выступления бывших футуристов, возглавивших впоследствии конструктивистское движение и «производственничество». Искусству не так долго суждено было выполнять функцию экспериментальной практики полезного художественного труда. Екатерина Андреева восстанавливает некоторые эпизоды из истории деградации советского трудового энтузиазма. На примере репрезентации труда в сценах перекура автор отмечает, что еще в позднесталинское время на смену привычным персонажам соцреалистических картин приходит новый праздный герой. Даже труд в изображениях геологов, освоителей целины и представителей других «вольных» профессий все чаще предстал как проявление индивидуальной свободы.

О неразрывной связи труда и праздности свидетельствует, по мнению Виктора Мазина, одна из самых увлекательных аполгий лени — «Обломов» Гончарова. Прочитанный петербургским философом в контексте трактата Казимира Малевича о лени, где лень предстает Матерью Совершенства, знаменитый русский роман оказывается не чужд принципам диалектики труда и его другого. Являясь формой сопротивления капитализации времени, праздность в контексте коммунистической утопии может быть понята как одна из ее основ.

Александр Погребняк тоже обращается к проблеме свободного времени как отчуждения труда в капиталистическом обществе. Его решение, впрочем, лежит в другой плоскости. Свободное время, будучи фетишизированной частью капиталистической системы, может предоставить возможность обретения подлинной свободы в практиках акрасии либо, как показывает в своих работах Джорджо Агамбен, в операциях профанации. В интервью с известным итальянским философом, вошедшим в данную подборку, бездеятельность, дезактивация и профанация показаны в качестве оптики, с помощью которой в европейской культуре на протяжении многих веков раскрываются потенции политического, поэтического, экономического и человеческого.

Праздность, лень — утопия не только мыслителей, но и художников, воспетая в стихотворении Михаила Кузмина из сборни-

ка «Параболы», отрывок из которого послужил эпиграфом к нашей вводной заметке. Творческой разновидности симбиоза труда и лени посвящены статьи Станислава Савицкого и Данилы Раскова. В «Опытах» Мишеля де Монтеня праздность неоднократно описывается как основа мысли и творчества, притом что безделье и бездеятельность чужды природе автора этой знаменитой книги. Станислав Савицкий доказывает, что именно на праздности, понятой как возможность быть предоставленным самому себе и как идеальная форма свободы мысли в изоморфности письма, жизни и действительности, строится этот невероятный для своего времени и едва ли превзойденный до сих пор литературный и интеллектуальный эксперимент.

Наконец, художественная апология лени как благодати и покоя у Малевича прочитывается Данилой Расковым как политико-экономическая критика капитализма и практики построения социализма. Малевич оказывается созвучен раннему Карлу Марксу и Полю Лафаргу, которые в проблеме отчуждения и принудительности труда видят главное препятствие для свободы человека. Важна и актуализация тонкого понимания соотношения труда и лени, когда возможность отказываться, лениться, оттягивать или приостанавливать выполнение является внутренним компонентом осмысленного, свободного труда.

Данила Расков, Станислав Савицкий